

Курдин Юрий Александрович

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АРЗАМАССКОГО КРАЯ В ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ

В статье раскрываются причины, обусловившие многообразие жанровых форм, большое количество вариантов в фольклоре и обрядах населения южных районов Нижегородской области. Основное внимание автор концентрирует на взаимовлиянии фольклора и этнографии русской и соседствующих с ней угро-финских народностей, прежде всего мордвы. Выясняется и неоднородность собственно русского населения региона, вызванная разновекторными миграционными потоками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 125-128. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

LINGUO-STATISTICAL AND MORPHOLOGICAL REGULARITIES IN THE PERSIAN WORD FORMATION

Krikonyuk Ekaterina Nikolaevna

*A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine
kr.kateryna@yahoo.com*

The article examines modern theoretical approaches to studying word formation, understanding its mechanisms helps to develop a holistic conception of the structure of a language. One of the effective scientific paradigms developed with a view to investigate morphology (both word formation and word transformation) is a formal-morphological. On the basis of the findings of a formal-morphological analysis of a corpus of Persian vocabulary the author formulates some linguo-statistical and morphological regularities of Persian word formation.

Key words and phrases: word formation; formal-morphological approach; generative approach; onomasiological approach; Persian language; Zipf's law; morphological regularities; word-formative formula; initial; medial; final.

УДК 398.3

Филологические науки

В статье раскрываются причины, обусловившие многообразие жанровых форм, большое количество вариантов в фольклоре и обрядах населения южных районов Нижегородской области. Основное внимание автор концентрирует на взаимовлиянии фольклора и этнографии русской и соседствующих с ней угрофинских народностей, прежде всего мордвы. Выясняется и неоднородность собственно русского населения региона, вызванная разновекторными миграционными потоками.

Ключевые слова и фразы: традиционная культура; региональная специфика; русское устное поэтическое творчество; мордовская народная поэзия; миграционные потоки.

Курдин Юрий Александрович, к. филол. н.

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
yukurdin@mail.ru*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АРЗАМАССКОГО КРАЯ В ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ[©]

Географы делят Нижегородскую область в её современных административных границах на три зоны: центральную Приволжскую, лесное Заволжье и Южную лесостепную. Каждая из указанных территорий имеет свои особенности: ландшафтные, экономические, исторические. Южнинегородские земли структурно интегрированы вокруг города Арзамаса, который со второй половины XVI века являлся крупным уездным городом, а в 1954-1957 годах был областным центром. Границы арзамасского региона пролегают по фиксированному административным рубежам Нижегородской области с Чувашией, Мордовией, Рязанской и Владимирской областями.

Становление традиционной культуры края непосредственным образом связано с образованием русского централизованного государства в XVI веке, когда на исконно мордовские малозаселённые земли стали перебираться выходцы из русских областей [9]. В последующие четыре столетия в арзамасском регионе, как в своеобразном плавильном котле, сформировалось православное население из пришлого русского люда и постепенно ассимилировавшейся автохтонной мордвы. Локальные особенности фольклора Арзамасского края обусловлены, прежде всего, многовековым взаимодействием и взаимовлиянием русской и мордовской народных культур. Наличие смешанных браков обусловило возможность выработки общих или сходных элементов свадебного ритуала. Общими для мордовской и русской свадьбы являлись такие обрядовые моменты, как выпечка каравая, баня, расставание с девичеством, расплетание косы. Как и в русской свадьбе, в мордовской важную роль играли причитания. Трудно сказать, есть ли основания считать отмеченные черты заимствованиями, но они свидетельствуют о взаимных связях народов.

Позднее в фундаментальном этнографическом труде «Очерки Мордвы» Мельников-Печерский выделил целый ряд общих черт в обрядах русского и мордовского народов, обусловленных многовековыми добрососедскими связями. Перечислим лишь эти общие места из традиционной культуры региона, по мнению Мельникова-Печерского, характерные для русского и мордовского населения: «величание невесты на свадьбах»; «в селах кумление девушек, для чего делают большие венки из берёзовых ветвей и после песни целуются через венок одна с другою. Песня в Симбирской и Нижегородской губерниях при этом поётся следующая. Она употребляется и русскими:

–Нокумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою берёзкой покумимся...»);

«Накануне Рождества Христова у Мордвы, как и в русских деревнях, дети —княдуют»); «На святках холостые мужчины и девушки, так же, как и в русских деревнях, перереживаются и ходят из дома в дом с песнями»; «Святочные гадания у Мордвы такие же, какие и у русских: девушки гадают о суженном, молодые люди о рекрутстве... Кроме гаданий, девушки хоронят золото, поют подблюдные песни, как и русские...»; «Вечером под Новый год у Мордвы справляется *таунсяй*, что значит свиной (праздник). Отсюда, кажется, произошел и русский *таусень* или *авсень*, обряды которого очень сходны с обрядами мордовского таунсяя. Русский таусень едва ли не старинный мордовский обряд, перешедший к русским. По крайней мере, он справляется только в тех местностях Великой Руси, где издревле обитала Мордва»; «Буламан-молян имеет сходство с русским обычаем; в этот день приносят повивальным бабушкам кашу, отчего самый день называется у русских –бабьи каши»); «В день Нового года у Мордвы, как и у русских, свиная голова на столе. В этот день Мордва празднует богу свиней, а русские считают празднуемого в этот день Василия Великого покровителем свиней»; «На другой день Нового года и у русских, и у Мордвы окуривают курятники для отогнания злых духов» [7, с. 486].

Крепленная, с годами обрусевшая мордва Арзамасского края бережно сохранила как исконно мордовские, так и заимствованные от русских обычаи и элементы традиционной культуры. На эту особенность местного населения края обратил внимание А. В. Карпов, исследовавший кустарные промыслы региона. «Предки абрамовцев, – писал он в статье –Щепной промысел в Абрамовской волости Арзамасского уезда», – были когда-то мордвами... Это добродушный народ-домосед, нигде не бывающий, кроме арзамасских и ардамовских базаров. Старинные песни, игры, обычаи – все это, так быстро забываемое в других местах, в Абрамове упорно сохраняется, несмотря на то, что абрамовцев обвиняют в мордовстве» [2, с. 209-210].

Вторую причину многообразия жанровых форм и вариативности произведений фольклора Арзамасского края следует искать в неоднородности собственно русского населения региона. Миграционные потоки на территорию Нижегородского княжества устремились еще в середине XIV века после перенесения великокняжеского стола из Суздаля в Нижний Новгород. Князь Константин Васильевич назвал из чужих княжеств русских людей и расселил их по берегам Волги, Оки и их притоков, вытеснив оттуда мордву. Большинство переселенцев были выходцами из Киевской Руси, наиболее пострадавшей от ордынских побегов.

В конце XV века, после покорения Иваном III «господина Великого Новгорода» в Нижегородские «пределы» были высланы несколько тысяч новгородцев вместе с мятежной Марфой Борецкой, Марфой-Посадницей, скончавшейся в заточении в одном из нижегородских монастырей.

Во второй половине XVI века в южные уезды региона на земли, дарованные Иваном IV Васильевичем участникам Казанского похода, переводились крестьяне из разных мест Московского государства, что создало особую пестроту в диалектах, обрядах и фольклоре.

Разрушив в 1570 году Великий Новгород, возжелавший перейти под руку польского короля, Иван Грозный переселил местных новгородцев с семьями в Арзамасский уезд, дав тем самым мощный толчок развитию города Арзамаса как крупного торгового центра.

В XVII столетии по указу царя Алексея Михайловича в южных уездах области были поселены «польские приходные люди». Переселенцы рубили лес, «гнали поташ». Поташные заводы получили название «майда-нов». С уменьшением лесов в одном месте, заводы переводили на другое, а на прежнем заводили пашню. За оставшимся селением сохранилось название, в котором присутствовало слово *майдан* (Тольский майдан, Полховский майдан и др.). Статистическая экспедиция 1852 года насчитала 47 населенных пунктов-майданов, в которых проживали потомки переселенцев из Белоруссии. В. И. Даль, досконально изучивший говоры Нижегородской губернии, шуточно называл их «Мензелинской шляхтой» и разъяснил, почему «дзякающих» лукояновцев окрестные жители зовут «панями» а иногда «панскими» [6, с. XXIV].

Новгородская устная традиция прослеживается в записях нижегородского фольклора середины XIX века. С первой переселенческой волной новгородцев, восходящей к XV веку, несомненно, связаны генетически материалы, собранные священником села Павлово-на-Оке Е. А. Фаворским и напечатанные в первом выпуске «Известий Императорской Академии наук» в 1852 году. Из 16 записанных Фаворским текстов шесть былинных сюжетов и десять исторических песен. «Былина про Василису Никуличну», которой открывается коллекция, более известна под названием «Былина о Даниле Ловчанине». Несмотря на многочисленные варианты, записанные А. В. Марковым, Н. Е. Ончуковым, А. Д. Григорьевым, в большинстве антологий былин перепечатывался именно текст Е. А. Фаворского. Записи указанных фольклористов относятся к северной эпической традиции. Фаворский впервые ввел в научный оборот былинный сюжет о Василии, победившем татарского царя Батыря. Текст в записи Фаворского неполный, но продолжение сюжета прослеживается в текстах онежских былин. В том же 1852 году в «Московском сборнике» был опубликован вариант сюжета о Василии Каземировиче, записанный в Архангельской губернии [10].

В 1840-е годы П. И. Пискарев записал в Арзамасском уезде 73 песни и передал рукописный сборник П. И. Мельникову, который озаглавил его «Песни Арзамасского уезда Нижегородской губернии». Некоторые песни из собрания Пискарева были использованы в качестве иллюстративного материала в дилогии «В лесах» и «На горах». Среди записей Пискарева особо примечательны историческая песня «Кострюк» и баллада «Домна и Грозный». Д. М. Балашов, изучавший варианты сюжета-прототипа, установил «со значительной долей вероятности, что эта баллада новгородского происхождения и возникла она в XIV-XV вв.» [1, с. 98].

Пополнению фольклорного фонда региона способствовали тесные торговые, промысловые и духовные связи его с остальной Россией. К Макарьеву, а затем в Нижний Новгород на Макарьевскую ярмарку нескончаемой вереницей двигались обозы по десяти торговым трактам, сходящимся в Арзамасе. Только одних постоялых дворов было в городе сто двадцать. Теми же трактами от селения к селению переходили многочисленные мастеровые, кустари, искали ночлега паломники, стремившиеся в знаменитый Саровский монастырь. К середине XIX века, когда традиционная культура Арзамасского края становится объектом внимания фольклористов и народоведов, регион явил себя подлинной песенной сокровищницей России [4]. И в этой сокровищнице крупным самородком стал сборник «Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской области» А. В. Карповым в 1870-е годы. Сборник включает 500 песен, записанных в пригородных селениях Арзамасского уезда, и представляет для фольклористов-исследователей особую ценность, так как являет собой не тенденциозно подобранную антологию, а выполненный с предельной точностью срез песенной культуры арзамасцев 70-х годов XIX века. Многие явления, высеченные Карповым в народном песенном творчестве этого периода, значительно позднее станут предметом теоретического осмысления [11, с. 258].

Среди записанных Карповым песен заметное место занимают тексты, сообщённые шведом Петром из села Страхово Пузо. Их отличают традиционная поэтика народной лирики и яркие художественные образы. Очевидно, швед Пётр был выдающимся исполнителем устнопоэтических произведений, что было характерно для данной категории мастеровых. Выдающийся этнограф XIX века С. В. Максимов отмечал в очерке «Шведцы»: «К числу необходимых промышленников, составляющих насущную потребность в крестьянской жизни, принадлежат едва ли не более всех *шведцы*, которых можно также обозначить именем *деревенских* или, даже лучше, *русских портных*». Деревенские портные в наибольшем числе держатся около таких мест, где пристроилось скорняжное дело (как в пригородном селе Кирилловке Арзамасского уезда, где записывал А. В. Карпов песни от швеца Петра – прим. автора – Ю. К.). Швед совершает свою нехитрую работу, перемежая её прибаутками и присказками. Мужик любит его за такие одолжения и не прочь в длинный и скучный зимний вечер послушать его веселых рассказов: «...на то и сказка придумана, чтобы добрых людей потешать...» [5, с. 33, 53].

Сборник песен Арзамасского уезда, записанный в 1875-1876 годах А. В. Карповым, опубликован в полном объеме лишь в 2010 году [8]. Собрание песен Карпова нуждается в серьезном исследовании, однако, уже получило высокую оценку выдающегося фольклориста В. П. Аникина, отметившего следующие достоинства сборника: «Записи Карпова чрезвычайно ценны уже по той причине, что осуществлены в крае, население которого раньше многих других испытало характерные перемены времени. Раньше других крестьяне и горожане тут оставили патриархальный образ жизни и раньше других приобщились к пореформенной новизне. На записях Карпова – вариантах, версиях – присутствует новизна, с которой обыкновенно неправильно связывают только упадок творчества. Записи являют и ещё хорошо сохранившуюся и *развиваемую* традицию давней лирики. Просматриваются следы её переработки и развития, которые можно считать ранним приобщением российского народа к профессиональной культуре XVIII столетия и, вообще, к типу творчества на базе приобщения к городской культуре. –Продвинутость» в эту сторону сама по себе свидетельствует, что лирика (и не только она, это касается и других жанров местного творчества) в пору фиксации её Карповым отмечена не только забвением и разрушением, но и органическими новациями. Обнаружили себя потенции фольклора. Он ещё не являл только процесса разрушения. Между тем стало почти общим мнение об общем оскудении фольклора в эту пору. Так обыкновенно судят поздние исследователи, да отчасти и современники Карпова. А записи демонстрируют и *творчество* на путях обновления. Кризисные явления обнаружили себя позднее. Вообще, записи Карпова позволяют понять историческую судьбу фольклора, его эволюцию и границы альтернативного обновления в темах, образах, даже творческое смещение жанровых свойств и границ устных произведений» [3, с. 3-4].

Как видим, традиционная культура Арзамасского края имеет богатую историю, изначально основанную на взаимовлиянии фольклора и этнографии русского и соседствующих с ним угро-финских народностей, прежде всего мордвы. За четыре столетия сложился фольклорный фонд региона, отличающийся многообразием жанровых форм, большим количеством вариантов в песнях и обрядах местного населения. Благодаря трудам фольклористов и народоведов многие явления традиционной культуры Арзамасского края, особенно песенный фонд, удалось сберечь и сделать достоянием современной фольклористики.

Список литературы

1. Балашов Д. М. Князь Дмитрий и его невеста Домна // Русский фольклор: материалы и исследования: в XXXI т. М. – Л., 1959. Т. IV. С. 80-99.
2. Карпов А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / ред.-сост. Е. П. Титков, Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2010. 387 с.
3. Карповские чтения: сборник статей / отв. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2010. Вып. 3. 457 с.
4. Курдин Ю. А. Фольклорная сокровищница России // Личность. Культура. Общество. М., 2007. Спец. вып. 2 (38). С. 410-413.
5. Максимов С. В. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. Т. 6. Лесная глушь: очерки. 607 с.
6. Мельников П. И. Владимир Иванович Даль: критико-биографический очерк // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского): в 10-ти т. С.-Петербург: Изд-во М. О. Вольф, 1897. Т. I. С. I–XC.

7. Мельников П. И. Очерки Мордвы // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского): в 7-ми т. Изд-е 2-е. С.-Петербург: Изд-во т-ва А. Ф. Маркс, 1909. Т. 7. С. 410-486.
8. Народная поэзия Арзамасского края. Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года / авт. проекта Ю. А. Курдин; сост. Ю. А. Курдин, Э. К. Петри, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2010. 639 с.
9. Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного: учебное пособие / АГПИ им. А. П. Гайдара; под ред. Ю. А. Курдина. Арзамас: АГПИ, 2005. 275 с.
10. Смолицкий В. Г. Е. А. Фаворский // Православные священники – собиратели русского фольклора. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. С. 17-18.
11. Чернышёв В. Народная песня «На горах» Нижегородской губернии // Живая старина. 1903. Вып. I-II.

TRADITIONAL CULTURE OF THE ARZAMAS REGION IN ITS HISTORICAL DEVELOPMENT

Kurdin Yurii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
yukurdin@mail.ru

The article reveals the reasons for the diversity of genre forms, a great number of variants in the folklore and rituals of the population of the southern areas of Nizhny Novgorod region. The author pays special attention to the interaction of folklore and ethnography of the Russian and neighbouring Finno-Ugric people, first of all the Mordvinians. The researcher also identified the heterogeneity of a proper Russian population of the region conditioned by the multi-vector migration streams.

Key words and phrases: traditional culture; regional specifics; Russian oral folk arts; Mordvinian folk poetry; migration streams.

УДК 82-1/9

Филологические науки

Статья раскрывает жанровую специфику и структуру интерактивной драмы, являющейся принципиально новой формой творческой активности современного человека. Основное внимание автор обращает на особенности построения потенциальной сценарной формы интерактивной драмы, специфику жанрового кода и особенности пространственно-временной структуры интерактивных произведений в соотношении с образцами классической литературной и сценической драмы.

Ключевые слова и фразы: интерактивная драма; эргодический текст; потенциальная сценарная форма; виртуальная среда; инсталляция.

Кучина Светлана Анатольевна, к. филол. н., доцент
Новосибирский государственный технический университет
svkuchina@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРАКТИВНОЙ, ЛИТЕРАТУРНОЙ И СЦЕНИЧЕСКОЙ ДРАМЕ[©]

Постмодернизм и интернет-культура конца XX в. популяризовали представление о том, что человек обладает не только физическим телом, которое задает его образ в пространстве и времени реальной жизни, и весьма уязвимо и ограничено в своих возможностях, но и многочисленными виртуальными воплощениями, способными скрыть, заменить и расширить образ человека в реальности земной жизни. Возможности виртуальной реинкарнации вдохновляют современного человека на творческий поиск собственного я, на самопрезентацию. У нас появилась буквально физическая возможность воплотить свои социальные маски, пусть в виртуальной, но реальности.

Искусство и литература современности не может оставаться в стороне от новых форм воплощения и воссоздания художественной действительности, в том числе и в литературной драме. Интерактивность, как одно из доминирующих свойств виртуального мира, добавляет свою специфику в художественное действие драмы, обуславливая его новыми параметрами, свойствами и структурой.

Специфика драмы обусловлена прямой речью персонажей как основным элементом развития действия. Драматическое произведение является цельным художественным образом, поскольку его формирует единое, цельное стремление главного действующего лица, стремление, направленное к конкретной цели. Поскольку драматическое действие, как правило, не комментируется, можно отметить, что повествовательная речь в драме редуцирована, она актуализируется лишь в элементах повествования, таких как авторские ремарки; описания или комментарии действующих лиц по поводу ситуаций, произошедших ранее; а также реплики актеров, обращенные к публике. В драме нет свойственных эпосу двух пространственных ситуаций, связанных с рассказываемой историей и